

РАССКАЗЫВАЮТ ДРУЗЬЯ...

La nouvelle critique. Mars, 1960.

Во Франции, как и всюду, у советского искусства друзей больше, чем врагов. Когда нацисты хозяйски разгуливали по улицам Парижа и карали смертью за каждое слово правды о Советском Союзе, французские патриоты подпольно продолжали выпускать завоевавший любовь «подписчиков» журнал «Россия сегодня». Когда во исполнение плана Маршалла во Францию хлынул поток крикливо иллюстрированных комиксов, а типографии прогрессивных издательств простоявали из-за дороговизны бумаги, на прилавках книжных магазинов одна за другой все-таки появлялись скромно оформленные книги: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Далеко от Москвы» В. Ажаева...

К середине 50-х годов советская книга прочно вошла в круг интересов французских граждан. За три-четыре года с витрин переселились на книжные полки читателей — сборник рассказов советских писателей, объединивший тексты А. Толстого и Ю. Яновского, Пришвина и Пановой, Федина и Паустовского; потом — «Они сражались за родину» М. Шолохова, «Искатели» Гранина, «Кюхля» Тынянова, «Повесть о детстве» и «Лихая година» Гладкова, «Сердце друга» Казакевича, «Товарищи по оружию» Симонова, «В родном городе» В. Некрасова, «Сережка» Пановой, «Джамиля» Айтматова, «Битва в пути» (в переводе — «Инженер Бахирев») Г. Николаевой...

Впрочем, даже полный перечень произведений со-

ветских авторов, выпущенных различными французскими издательствами за последнее время, не даст достаточного представления о деятельности популяризаторов советской книги.

Обзоры и рецензии в прессе, развернутые предисловия, серьезные исследования (такие, как эссе Арагона «Советские литературы» или специальный номер журнала «Эроп», посвященный сорокалетию советского искусства), стимулируя интерес к новинкам, помогают правильно «читать» их, нейтрализуют ядовитую ложь, которой методически отравляют сознание легковерных читателей идеологии «холодной войны».

Публикация, сопровождаемая аналитической статьей, стала уже во Франции признанным типом издания советских произведений. Журнал «Нувель критик», посвятив свой мартовский номер теме «Советский гуманизм в 1960 году», продолжил эту традицию.

После предисловия, увлекательно рассказывающего о хозяйственных и культурных успехах СССР с начала семилетки, читатель вступит в волнующий мир художественных образов. Он от души посмеется над приключениями деда Щукаря (главы второй книги «Поднятой целины»); с интересом приобщится к раздумьям О. Бергольц («Дневные звезды») о смысле писательского ремесла; вместе с танковой бригадой подполковника Климовича вновь переживет горечь отступления («Живые и мертвые» Симонова); посочувствует — или позавидует! — безусому Тольке, приехавшему на стройку, чтобы своими руками возводить коммунизм (А. Кузнецов «Продолжение легенды»); наверняка захочет сорвать медный крест с мальчишески узкой груди Родьки («Чудотворная» Гендрикова); ласково улыбнется первым «взрослым» тревогам отчаянной Наташи

(Ю. Нагибин «Перед праздником»).

Чем же дорог строгому объективному критику сегодняшний день советского искусства? Может быть, «нигилистическими настроениями» или «возвращением к теме обыденного» после темы героического? Ведь такие тенденции уже не первый год пытаются искать в советской литературе «поклонники» из «Нувель ревю франсез» и «Ревю де Пари». Нет, их надежды не оправдались.

Советское искусство привлекает тем, говорится в редакционной статье «Нувель критик», что в нем «будущее — осязаемое, встречающееся на каждом шагу... освещает картины прошлого и направляет настоящее», тем, что психологические проблемы, постановкой которых гордятся модернисты, «сложность психологического анализа, характер размышлений о судьбах человеческих обретает плоть в трудной эпопее становления общества нового типа».

Раскрыть этот процесс приобщения индивидуума к великим свершениям эпохи — вот цель, объясняющая и «внимание к рисунку личных переживаний» и «растущую заботу о совершенстве, оригинальности формы», качества столь характерные, по мнению «Нувель критик» для нынешнего этапа советской литературы.

Советская литература громко и внятно ответила на эстетические запросы тысяч современников, активно стремящихся к тому, чтобы кончилась «эра господства войны, массового голода и атомной смерти», чтобы в мире воцарились, наконец, дружба и справедливость.

Так пишут настоящие друзья, способные видеть и понимать. К их рассказу наверняка прислушивается тот, кто хочет знать правду о стране социализма и ее культуре.

Т. Балашова